

От переводчиков к первому изданию «Канона чая» 2007 года

Данный перевод «Канона чая» с классического китайского языка выполнен по изданию 2005 года «“Канон чая” в иллюстрациях» («Ча цзин тушо» 《茶经图说》)¹. В китайском издании текст сопровождается так называемым «изначальным комментарием» (*юаньчжу* 原註). Вероятно, этот первый комментарий к «Канону чая», в дальнейшем превратившийся в неотъемлемую часть текста, был создан еще в эпоху Тан. Не исключено, что часть пояснений мог написать сам Лу Юй. В данном издании китайский текст комментария выделен курсивом, а его русский перевод для удобства чтения вынесен в подстрочные примечания. Поскольку многие китайские термины невозможно адекватно перевести на русский язык, мы решили сохранить их в тексте, передав средствами нормативной русской транскрипции и выделив курсивом.

Многие пассажи «Канона чая» могут показаться непонятными даже читателю, знакомому с китайской культурой, а потому мы сочли нужным снабдить текст собственными комментариями, которые помещены после каждой главы. В этих комментариях приведены самые необходимые сведения о китайских текстах, топонимах, именах, исторических событиях, а также названиях

¹ 裘纪平, 茶经图说。— 杭州; 浙江摄影出版社, 2005. Цю Цзинпин. «Канон чая» в иллюстрациях. — Ханчжоу: Чжэцзянское издательство фотографии, 2005. На русском языке: Цю Цзинпин. «Канон чая» в иллюстрациях/Пер. с кит. Ф.Д. Сергеевой. — М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019.

многочисленных растений, которые упоминаются в «Каноне чая». Ссылка на комментарий приводится в круглых скобках сразу после поясняемого термина. Комментированный перевод текста мы решили предварить небольшой вступительной статьей, не претендующей на научную полноту, в которой кратко излагаются сведения об авторе «Канона чая» и эпохе создания текста.

Идея познакомить русского читателя с «Каноном чая» родилась в московской чайной наших друзей, а конкретные очертания начала обретать на острове Хайнань осенью 2005 года. Спасибо Игорю Куликову и Андрею Рюмину — без них мы бы не начали пить чай, а эта работа никогда не была бы написана. Мы также хотим поблагодарить за внимательное отношение к первоначальным вариантам этой работы и многочисленные ценные замечания наших старших коллег и учителей — преподавателей Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова: Д. Н. Воскресенского, Е. В. Волчкову, А. М. Карапетьянца, Тань Аошун, К. М. Тертицкого и М. Ю. Ульянова. Мы благодарим Максима Долгова за техническую поддержку первого издания. Спасибо нашим родителям за их терпение и помощь.

*Александр Габуев и Юлия Дрейзис
Москва, октябрь 2006 года*

Чай сквозь века

*Вступительная статья
о чайной культуре в эпохи Тан и Сун*

ВЕЛИКАЯ ТАН — РОЖДЕНИЕ НОВОГО ИСКУССТВА

Ю. Дрейзис, А. Габуев

«Канон чая» и его создатель

Чай сопровождает китайскую цивилизацию почти все время ее существования. Легенда приписывает открытие чая мифическому императору Шэнь-нуну — Божественному земледельцу¹. Впервые чай упоминается

¹ Шэнь-нун (神農, Божественный земледелец) — один из центральных культурных героев древнекитайской мифологии, которому приписывается изобретение приемов земледелия и сельскохозяйственных орудий. Считается, что Шэнь-нун имел такой же облик, как и другие мифические первопредки: змеиное тело, человечесье лицо, бычью голову (что связано с его функцией бога земледелия) и нос тигра. Образ его, видимо, еще на весьма ранней стадии контаминировался с образом солярного божества Янь-ди (炎帝, Огненного императора), традиция объясняет это тем, что Шэнь-нун научил людей приготовлению пищи на огне. Иногда он именуется также Яо-ван (藥王, Повелитель снадобий), поскольку с его именем связывается начало традиционной фармакологии. По легенде, для определения целебных качеств различных растений Шэнь-нун за день испробовал на себе свойства ста трав, подвергнулся действию 72 ядов, но использовал чай как противоядие и остался жив. Шэнь-нуну приписывается также авторство трактата-фармакопеи «Канон о корнях и травах Божественного земледельца» («Шэнь-нун бэньцао цзин» 《神農本草經》), составленного на самом деле в конце эпохи Западная Хань.

в «Ши цзине»² — древнейшем сборнике китайских поэтических произведений, а специальную посуду для питья чая начали изготавливать в эпоху Хань³. Однако почти полторы тысячи лет накопленные китайцами обширные знания о чае не были систематизированы в рамках одного произведения. Коренной поворот в истории китайской чайной культуры наступил лишь в эпоху Тан.

Сложно найти искусство или область традиционного знания, которые не переживали бы расцвет в это время. Творения танских скульпторов, архитекторов, ремесленников, а особенно поэтов и эссеистов до сих пор считаются непревзойденными. Монархи Тан правили крупнейшей державой мира, простиравшейся от пустыни Гоби до джунглей Вьетнама и от предгорий

² «Канон песен» («Ши цзин» 《詩經》) — древнейший сборник китайских поэтических произведений, создание которого по традиции приписывается Конфуцию (孔子; 551–479 гг. до н. э.). Скорее всего, самые древние части этого сборника были записаны в эпоху Западная Чжоу и включали аутентичные тексты того времени. В дальнейшем «Ши цзин» неоднократно редактировался вплоть до конца эпохи Восточная Хань. Дошедший до нас текст «Ши цзина» состоит из 305 произведений, объединенных в четыре больших раздела: «Нравы» («Фэн» 《風》), «Малые оды» («Сяо я» 《小雅》), «Большие оды» («Да я» 《大雅》) и «Гимны» («Сун» 《頌》). Состав текста неоднороден: наряду с ритуальными песнопениями («Оды», «Гимны»), в «Ши цзине» встречаются обработанные записи народных песен и магических заклинаний различных древнекитайских царств («Нравы»). В конфуцианской традиции «Ши цзин» обладал огромным авторитетом и был включен в состав пяти наиболее почитаемых текстов — «У цзина» («Пятиканония», 《五經》), куда также входят «Шу цзин» («Канон документов», 《書經》), «И цзин» («Канон перемен», 《易經》), «Ли цзи» («Записи о ритуале», 《禮記》) и хроника «Чуньцю» («Весны и осени», 《春秋》).

³ Впрочем, использовавшийся в древних текстах до II в. знак 茶, который обычно отождествляется со знаком 茶 и переводится как «чай», мог обозначать более широкий комплекс растений, употребившихся на юге в качестве питья. По крайней мере, окончательное выделение собственно чая произошло не позднее эпохи Троецарствия.

Памира до берегов Японского моря. Она была населена многими этносами и являлась для раннего Средневековья образцом веротерпимости — помимо собственно китайских вероучений, на просторах империи проповедовались буддизм, ислам, манихейство и несторианство. В императорскую столицу Чанъань, население которой в середине VIII века достигало почти двух миллионов человек, съезжались купцы из Центральной Азии, Индии, стран «Южных морей»⁴ и даже из далекой Аравии. Пожалуй, никогда Китай не был столь открыт для культурного обмена и не интересовался иноземными обычаями — например, платья придворных дам, о которых мы знаем по танской миниатюре и погребальной пластике, являли собой причудливое смешение традиционного китайского костюма и «нарядов иноземцев». О странах Запада в это время китайцы были осведомлены, возможно, даже лучше, чем латиняне и византийцы — о Поднебесной.

В эпоху Тан впервые начинается масштабная китаизация южных районов страны, которые до того были слабо освоены ханьцами — крупнейшей этнической общностью танской державы. Традиционно все основные центры культуры ханьцев находились на севере, в бассейне реки Хуанхэ, тогда как бассейн Янцзы был населен преимущественно неханьскими народами. При Тан начинается массовая миграция людей с севера на юг — уже к началу VIII века выросло целое поколение ханьцев, для которых долина Янцзы была такой же родной, как и просторы Великой китайской равнины. В это время ханьцы воспринимают южные традиции

⁴ Так в средневековом Китае называли страны Юго-Восточной Азии.

чаепития, поскольку именно юг был основным регионом произрастания чая. И если в дотанском Китае чай являлся преимущественно диковинной забавой ученой элиты, то при Тан обычай пить чай становится более распространенным. Благодаря деятельности буддийских монахов из влиятельных южных монастырей питье чая постепенно приобретает статус искусства и духовной практики.

В то же время правление танских монархов стало для Китая второй после Хань эпохой великого синтеза и обобщения достижений собственной культурной традиции. Свидетельством этого стал небывалый взлет традиционной учености после того, как император Тай-цзун (太宗; 627–650) утвердил экзамены на чиновничью должность. Главным критерием для кандидатов стало знание «Пятиканония» — сборника пяти наиболее почитаемых текстов китайской древности. Почет, которым были окружены каноны в среде ученой элиты, стал стимулом к написанию новых произведений в жанре канонов-цзин. Как следствие, создаются каноны по всем областям традиционного знания, от музыки и до искусства разбираться в лошадях. Во многом именно наличие канона-цзин, описывающего ту или иную практику, делало ее частью общего культурного поля.

Чайная традиция Китая тоже ждала обобщения и кодификации, ждала человека, который взялся бы за этот труд и сделал бы его делом своей жизни. И в правление императора Сюань-цзуна (玄宗; 712–756) такой человек в Поднебесной появился.

От актера до божества

Лу Юй (陸羽; 733–804) родился в местечке Цзинлин 竟陵 в округе Фучжоу 復州 (совр. Тяньмэнь 天門 пров. Хубэй). Его появление на свет окутано тайной: младенцу было три дня отроду, когда его оставили на берегу цзинлинского озера Сиху 西湖. Настоятель расположенного неподалеку буддийского монастыря Лунгай 龍蓋 по имени Цзигун 積公 подобрал младенца и взял его на воспитание. Имя ребенку он выбрал, погадав на «Каноне перемен»⁵. При гадании Цзигун получил гексаграмму № 53 Цзянь («Течение», 漸), комментарий к шестой черте которой гласил: «Дикий гусь ищет прибежища на суше. Его перья могут быть применены в обрядах» («鴻漸於陸，其羽可用為儀»). Настоятель использовал знак *лу* («суша», 陸) в качестве фамилии, а знак *юй* («перья», 羽) — в качестве имени. Вторым

⁵ «И цзин» («Канон перемен», 《易經》), также известен под названием «Чжоу и» («Чжоуский канон перемен», 《周易》), — один из важнейших текстов китайской письменной традиции, запись которого началась в VIII в. до н. э., а окончательный вариант сложился не раньше IV в. до н. э. Изначально «И цзин» был связан с гадательными практиками древних китайцев (гадание на панцирях черепах, костях крупного рогатого скота и на стеблях тысячелистника), однако в дальнейшем стал восприниматься как универсальная текстовая модель всех мировых процессов. В основе текста лежат специальные графические символы, построенные с использованием двух типов черт: сплошной, соотносимой с началом *ян* 陽, и прерывистой, которая соотносится с началом *инь* 陰. Три такие черты, записанные одна под другой, образуют символ — триграмму. Всего существует восемь возможных комбинаций (*багуа* 八卦). В свою очередь, сочетание двух разных триграмм образует символ из шести черт — гексаграмму. В «И цзине» все возможные 64 гексаграммы снабжены кратким комментарием. При гадании вопрошающий с помощью различных мантических операций получает определенную гексаграмму и истолковывает сопровождающий ее текст.

именем-*цзы*⁶ стали два других знака из той же цитаты: *хун* («дикий гусь», 鴻) и *цзянь* («приближаться», 漸).

Благодаря заботам наставника в шесть лет Лу Юй начал писать иероглифы, в восемь научился варить чай. Именно поэтому чайное дело для Лу Юя навсегда осталось связанным с буддийским мировоззрением. Однако, несмотря на то что юный послушник выказывал чрезвычайное рвение в занятиях, он отказывался от принятия сана, за что неоднократно терпел наказания от своего приемного отца: тот заставлял его выполнять работу прислужника. В возрасте одиннадцати лет Лу Юй по собственной воле оставил монастырь и присоединился к труппе бродячих актеров.

За время скитаний по Поднебесной Лу Юй обучился технике игры театра марионеток, театра теней и традиционной драмы, прообразов современной пекинской оперы. Он выучил наизусть «Шестиканоние» 《六經》 (помимо произведений «Пятиканония» в него входит сохранившийся лишь частично «Канон музыки» («Юэ цзин» 《樂經》). Кроме того, Лу Юй свел знакомство с одними из самых выдающихся людей своего времени — каллиграфом Янь Чжэньцином (顏真卿; 709–785), признанным мастером стиля *кайшу* («уставное письмо», 楷書), поэтами Дай Шулунем (戴叔倫; 732–789) и Лю Чанцином (劉長卿; 709–780), а также литератором Сяо Инши (肖穎士; 708–759). География перемещений Лу Юя по Поднебесной поражает — к 28 годам автор «Канона чая» успел

⁶ Имя-*цзы* 字 давалось ребенку наставником по достижении совершеннолетия, в отличие от имени-*мин* 名, которое давалось родителями при рождении. В истории Китая известны случаи, когда выдающиеся люди становились известны под своими *цзы*, например поэт Тао Юаньмин (陶淵明; 365–427), имя которого было Тао Цянь 陶潛, или революционер Сунь Ятсен (孫逸仙; 1866–1925), которого звали Сунь Вэнь 孫文.

побывать во множестве городов и монастырей на территории современных провинций Хубэй, Цзянси, Аньхой, Цзянсу, Хэнань и Сычуань.

В 755 году, когда начался мятеж Ань Лушаня⁷, Лу Юй находился в деревне Дунган 東岡 в своем родном уезде Цзинлин. Человек своего времени, Лу Юй, даже живя отшельником, не мог не откликнуться на происходящее — он посвятил описанию трагедии «Стихи о четырех печалях» («Сы бэй ши» 《四悲詩》). Мятеж Ань Лушаня был окончательно подавлен лишь в 763 году, восемь лет кровавой междоусобицы не прошли для страны даром и унесли жизни множества людей, однако автора «Канона чая» эти годы смуты никак не затронули.

В 760 году он оставил на время путешествия и осел в районе современного города Ханчжоу 杭州 в провинции Чжэцзян с тем, чтобы основательно изучить производство чая и его историю. За год Лу Юй успел написать свой первый труд, систематизирующий накопленное знание, — «Записки о чае» («Ча цзи» 《茶記》), впоследствии утраченные. Через пять лет Лу Юй приступил к написанию «Канона чая», самой важной книги его жизни, работа над которой была в целом завершена к 778 году. Автор снабдил текст канона собственными примечаниями, разъясняющими непонятные места и приводящими дополнительные сведения. Лу Юю принадлежит также

⁷ Ань Лушань (安祿山; ?–757) — военачальник, происходивший из тюркско-согдийского рода, который поднял в 755 г. бунт против танского императора Сюань-цзуна (玄宗; 712–756). Восставшие без труда захватили крупнейшие города империи — Лоян и Чанъань — и вынудили двор бежать в отдаленную западную провинцию Сычуань. После того как император отрекся от престола в пользу наследного принца, новый правитель, Су-цзун (肅宗; 756–762), при поддержке народов Средней Азии, тюрков и даже посланных халифом арабов, постепенно восстановил порядок. Междоусобная война продолжалась восемь лет и нанесла колоссальный урон танской империи.

написанное в 795 году произведение, в котором он вынес оценку качеству воды из двадцати различных источников Китая: первое место было присуждено воде из источника Гулянь 谷簾, расположенного на горе Лушань 廬山 в провинции Цзянси.

Вечный странник, Лу Юй до конца жизни так и не обзавелся семьей и полноценным домом. С того момента как он вышел из состава театральной труппы, он жил затворником в монастырях, а также в качестве гостя-кэ (человека, которому зажиточное семейство оказывало покровительство в обмен на службу) при дворах различных покровителей. Первым патроном Лу Юя, когда тому исполнилось четырнадцать лет, стал *тайшоу* (начальник военного округа, 太守) Цзинлина Ли Циу 李齊物, предоставивший будущему автору канона возможность пользоваться собственной библиотекой и заниматься с учителем. Одним из последних покровителей Лу Юя был судья по имени Чжоу Юань 周願 из Гуанчжоу 廣州 (пров. Гуандун). В 790 году автор канона отказался от службы при дворе судьи и вернулся с далекого юга сначала в город Хунчжоу 洪州 (совр. Наньчан 南昌 пров. Цзянси), а затем в Хучжоу 湖州 (пров. Чжэцзян), где ему приходилось жить и раньше и где была завершена работа над «Каноном чая».

Зимой 804 года Лу Юй тяжело заболел и в скором времени скончался в Хучжоу в возрасте 72 лет. Он был похоронен на хучжоуской горе Чжушань 杼山. Значение проделанной Лу Юем работы было оценено уже при Тан: автор «Канона чая» был обожествлен и стал почитаться в качестве духа-покровителя чайного дела (*чаишнь* 茶神). По прошествии некоторого времени на месте рождения Лу Юя, в Тяньмэне, был сооружен храм в его честь, в восстановленном виде существующий и поныне.

Чай или суп?

Дошедший до нас текст «Канона чая» состоит из трех свитков-цзюаней, разбитых на десять глав. В первой главе «Истоки» приводятся самые общие сведения о чае, его произрастании и целебных свойствах. Вторая глава «Инструменты» изобилует техническими подробностями и описывает набор инструментов, используемых для выделки чайного листа. В третьей главе «Изготовление» в деталях разъясняется процесс изготовления из чайного листа прессованных плиток. В свою очередь, четвертая глава «Утварь» повествует о предметах для варки чайного напитка. Затем в пятой главе «Варка» описывается процесс приготовления чая на огне. В шестой главе «Питие» — наиболее философской во всем «Каноне чая» — Лу Юй приводит свои размышления о том, как правильно пить чай. Седьмая глава «Записи» обобщает все упоминания о чае в произведениях, написанных до Лу Юя, а также его современниками. Восьмая глава «Произрастание» фактически представляет собой подробный список всех регионов танской империи, в которых культивировали чай, и является уникальным источником по географии производства чая в эпоху Тан. В девятой главе «Упрощения» описываются особые ситуации, при которых возможно упрощение чайной церемонии. Наконец, в десятой главе «Схема» Лу Юй рассказывает о том, как правильно переписать и разместить текст канона в комнате для чаепития.

Читателю, знакомому с современной чайной церемонией, сразу бросится в глаза ее несхожесть со способом заваривания чая, описанным у Лу Юя. Дело в том, что практиковавшийся в эпоху Тан метод обработки и варки чайного листа существенно отличался от всей последующей чайной традиции. Во времена Лу Юя чайный напиток

представлял собой, по сути, суп из чайного листа с добавлением соли и иногда других приправ. Чайный лист обязательно прессовался в плитки, подобно тому, как сейчас прессуются пуэр и некоторые сорта красного чая. Непосредственно перед варкой готовую плитку прокаливали на огне, чтобы она размягчилась. Затем плитку размельчали так, чтобы частички чая стали размером с зерно риса. В таком виде чай засыпали в котел с кипящей соленой водой и варили до готовности. В чайном напитке особенно высоко ценилась густая пена, выступавшая на поверхности при кипении, как при варке бульона. Пили обычно не более пяти чашек, пока чай не успевал остыть.

Техника заваривания чая существенно изменилась уже в следующую эпоху, во времена правления Сун. Именно сунская практика чаепития легла в основу современной японской чайной церемонии. Техника заваривания, при которой целый чайный лист заливается кипящей водой, получила распространение лишь в эпоху Мин. Именно этот способ заваривания с некоторыми изменениями дошел до наших дней.

«Канон чая» не стал прообразом тех многочисленных книг о заваривании чая и искусстве чаепития, которые писали и пишут в Китае после смерти Лу Юя. При этом вот уже более тысячи лет его труд оказывает определяющее влияние на развитие всей чайной традиции. Люди, почитавшие Лу Юя в качестве «Чайного божества», могли заваривать и пить чай совершенно иначе, чем автор «Канона чая». Однако для всех мастеров чайной церемонии, будь то сунские монахи школы *чань* 禪 или минские ученые-конфуцианцы, именно Лу Юй был тем Мастером, которого считали образцом и у которого учились. А значит, обратившись к «Канону чая», поучиться у старого мудреца сможет и современный читатель.

СУНСКАЯ ЧАЙНАЯ КУЛЬТУРА

А. Лемешко

Первая необходимость

Сунская чайная культура наследовала танской, однако в этот период чаепитие становится широко распространенным, обыденным явлением. Сунский поэт Мэй Яочэнь (梅堯臣; 1002–1060) в оде-фу⁸ «На юге превосходный чай» («Нань ю цзя мин фу» 《南有嘉茗賦》) писал, что чай начали пить и варвары, и ханьцы, и богатые, и бедные. «Народ пользуется чаем, словно рисом и солью, — ни дня не обходится без него», — слова знаменитого сунского ученого и реформатора Ван Аньши⁹

⁸ Фу 賦 — формат китайской литературы, дескриптивная поэма, или поэма-описание, часто одического характера. Фу писались изящным строгим слогом с чередованием ритмизованных прозаических и поэтических фрагментов. Расцвет фу, начало которого часто связывают с именами знаменитых поэтов Цюй Юаня (屈原; 340–278 гг. до н. э.) и Сун Юя (宋玉; III в. до н. э.), приходится на ханьское время, однако в разных обликах жанр продолжил свое существование и развивался в литературе Китая почти до Нового времени.

⁹ Ван Аньши (王安石; 1021–1086) — известный политик, литератор и мыслитель эпохи Северная Сун, уроженец местности Линьчуань 臨川 (пров. Цзянси). В 1070 г. он стал главным министром при дворе императора Шэнь-цзуна (神宗; 1068–1086) и начал проводить комплекс реформ, направленных на изменение традиционной системы землепользования. В экономике Ван Аньши пытался систематизировать налоги и создать систему кредитования для крестьян, а в социальной сфере — закрепить систему круговой поруки баоцзя 保甲. Однако в 1076 г. Ван Аньши утратил расположение императора и подал в отставку. Умер в Цзяннине 江寧 (совр. Нанкин).

из произведения «Опыт рассуждения о чае» («Лунь ча шу» 《論茶疏》). Автор известного сборника эссе «Тщетные грезы» («Мэн Лян лу» 《夢梁錄》) У Цзыму 吳自牧 отмечал: «Вот то, без чего не может обходиться в повседневном быту практически ни одна семья, — хворост, рис, масло, соль, соевый соус, уксус и чай». Начиная с эпохи Сун чай стал первой необходимостью.

В «Истории Сун» («Сун ши» 《宋史》) в подразделе о пище рассказывается, что существует две формы чая — прессованный (*пяньча* 片茶) и порошок (с*аньча* 散茶). *Саньча* — чай для простолюдинов. *Пяньча*, который назывался также *бинча* 餅茶 или *туаньча* 團茶, — символ престижа, этот чай предназначался для знати. Некоторые его виды даже смазывали снаружи особой смесью из жира и ценных масел, в результате получался так называемый «чай в восковой оболочке» (*лача* 臘茶, *ламяньча* 臘麵茶 / 蠟麵茶). Заваривающий *пяньча* неизменно выходил победителем в чайных соревнованиях *доуча* 鬥茶, где победа определялась наименьшей скоростью погружения листа в воду.

Сунское чаепитие превратилось в уникальное действо, что во многом связано с развитием неоконфуцианства. Интеллектуалы, служилое сословие и аристократия поголовно увлекались чаем, и почти все они отлично разбирались в чайных нюансах — посуде, обработке листа, способах приготовления напитка и наслаждении им. При Сун в чай перестали класть какие бы то ни было вкусовые или ароматические добавки. Существовало два обычая, связанных с чаем, — первый именовался *чали* 茶禮, чайные подарки (подарки семьи нареченного семье жены при помолвке), а второй — *дяньча* 奠茶, подношение чая. Благодаря им чай стал высоко цениться даже простыми людьми, а сунский обычай *чали* соблюдается в народе и по сей день.

Среди образованных людей эпохи Сун было много ценителей чая, в их числе можно назвать Оуян Сю (歐陽修; 1007–1072), Су Ши (蘇軾; 1037–1101), Хуан Тинцзяня (黃庭堅; 1045–1105), Сыма Гуана (司馬光; 1019–1086) и других. У каждого из них есть произведения, посвященные наслаждению чаем. Так, например, у Су Ши и Цай Сяня есть стихи о *доуча*, а «Спор чая и туши» («Мо ча чжи бянь» 《墨茶之辯》) Сыма Гуана и Су Ши вошел в историю как одно из самых изящных состязаний в остроумии. Однажды Сыма Гуан в шутку сказал Су Ши, который одинаково любил чай и каллиграфию, что нет в мире более непохожих явлений, чем чай и тушь: в чае ценится белизна (ведь в эпоху Сун лучшими чаями считались белые), а в туши — чернота; в чае ценится густота и плотность (чай взбивали в густую пену), а в туши — легкость и жидкость, ибо густой тушью тяжело писать; чай хорош свежим, а тушь — выдержанной. Су Ши, недолго думая, ответил: «И чай, и тушь изысканными делает аромат, разве это не роднит их?»

Процветающая экономика и развитая культура стали прекрасным подспорьем для скачка в развитии чайной индустрии при Сун. Чайные кусты выращивались повсеместно, а производство приобрело широкий масштаб. Площадь плантаций выросла в два–три раза по сравнению с танским временем. Зона производства чая включала теперь Хуайнань (совр. пров. Аньхой и Цзянсу), Фуцзянь и Сычуань.

Где же выращивалось наибольшее количество чая в этот период — на юго-востоке Китая или в Сычуани? Мнения историков разнятся. Некоторые говорят, что в Сычуани производилось порядка 56% всего чая в сунском Китае. Такой вывод они делают, сравнивая размер годовых пошлин, взимаемых с Сычуани и юго-востока.

Однако размер годовых пошлин и общий объем чая не вполне одно и то же. Живший при сунском Шэнь-цзуне ученый Люй Тао (呂陶; 1028–1104) писал, что весь вывозимый из Сычуани чай не составит и десятой доли чая, производимого на юго-востоке. В начале эпохи Северная Сун с тринадцати плантаций на западе Хуайнани собирали примерно 500 тыс. связок (по 1000 медных монет каждая) в год. После того как в 1074 году сунский Шэнь-цзун запретил частную торговлю сычуаньским чаем, установив государственную монополию на него, доход казны составлял примерно 400 тыс. связок в год. С зимы 1077 года до осени 1078 года доходы от монополии на сычуаньский чай и от области со старой формой налога в общей сложности составили 767 тыс. связок. Налоговые сборы в двух округах оказались приблизительно одинаковыми, а объем производства чая в Сычуани был немного выше, чем на западе Хуайнани.

Та же ситуация наблюдалась и с качеством чая. Чай из Сычуани существенно уступал чаю с юго-востока. Фуцзянь, например, хоть и не выделялась по объему производства чая, зато была далеко впереди по качеству, в особенности чай из области Цзяньчжоу (терр. совр. г. Цзяньян 建陽). Среди них были чай из Северных садов (Бэй юань 北苑), которые поставлялись к императорскому двору, за что стали именоваться «Первейшие в Поднебесной». Сычуаньские же чай были самыми низкосортными. Чай из этой провинции считались повседневными, «бытовыми».

Чайные налоги в эпоху Сун служили одним из важных источников дохода государства и устанавливались в три этапа.

1. В начале эпохи Северная Сун была введена чайная монополия, налог выплачивался чаем. Например, налог

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru